

Локк Джон

Мысли о воспитании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Л.**
Мысли о воспитании / Локк Джон – М.: Книга по Требованию, 2022. – 260 с.

ISBN 978-5-519-93792-4

ISBN 978-5-519-93792-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Очеркъ жизни и дѣятельности Локка.

Джонъ Локкъ родился 29 августа 1632 года, въ Рингтонѣ. Его дѣдъ, Николай Локкъ, былъ суконщикомъ въ окрестностяхъ Бристоля, отецъ, Джонъ Локкъ, занимался адвокатурой въ Пенсфордѣ. Въ 1646 году, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, маленькій Локкъ поступилъ въ Вестминстерскую школу. Какъ и вообще въ школахъ того времени, главнымъ предметомъ занятій здѣсь были латинскій и греческій языки; схоластическое и мертвое преподаваніе не могло оставить по себѣ благодарныхъ воспоминаній въ нашемъ философѣ: весь § 94 «Мыслей о воспитаніи» представляетъ безпощадное осужденіе тогдашней школьной системы, вынесенной имъ на собственныя плечахъ. Въ 1652 году онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ, въ Кристъ-Черчъ-Коллежъ, гдѣ, подобно своему великому предшественнику Бэкону, получилъ отвращеніе къ схоластикѣ и занимался съ особенной любовью естественными науками и медициной; тамъ же онъ познакомился съ сочиненіями Декарта, которыя привлекли его своей ясностью и опредѣленностью и связью съ новымъ, самостоятельнымъ изслѣдованіемъ природы.

Въ 1665 году Локкъ сопровождалъ въ качествѣ секретаря англійскаго посла, сэра Вальтера Вэна, къ бранденбургскому двору и прожилъ два мѣсяца въ Клеве. Его письма оттуда показываютъ, съ какимъ вниманіемъ онъ наблюдалъ общественную и частную жизнь, нравы и обычаи, и даютъ неоднократно доказательства живого юмора автора.—По окончаніи миссіи Вэна, Локкъ вернулся въ Оксфордъ и занимался

естественнонаучными и въ особенности метеорологическими изслѣдованіями, вступивъ въ близкое соприкосновеніе съ членами основаннаго въ 1662 году «Королевскаго Общества распространенія естествознанія». Въ 1667 году онъ познакомился съ лордомъ Антоніемъ Эшли (Ashley), впоследствии графомъ Шефтсбѣри; этому знакомству суждено было превратиться въ тѣсную дружбу: нѣсколько лѣтъ подрядъ Локкъ прожилъ въ домѣ Шефтсбѣри въ качествѣ друга, врача и воспитателя его сына. Съ той поры судьба Локка тѣсно связалась съ судьбой его друга и покровителя. Когда въ 1672 году Шефтсбѣри сдѣлался лордомъ-канцлеромъ Англіи, Локкъ получилъ отъ него мѣсто секретаря, потерянное имъ въ слѣдующемъ году, послѣ того какъ его покровитель впалъ въ немилость: 1675—1679 года Локкъ провелъ во Франціи, въ Монпелье, гдѣ сблизился съ Томасомъ Гербертомъ, будущимъ графомъ Пемброкомъ, которому посвященъ «Опытъ о человѣческомъ разумѣ», а затѣмъ въ Парижѣ, вращаясь въ кругу выдающихся представителей науки. Изъ Франціи онъ былъ вызванъ Шефтсбѣри, ставшимъ въ 1679 году президентомъ Совѣта министровъ. Когда же затѣмъ Шефтсбѣри, вслѣдствіе противодѣйствія абсолютистскимъ тенденціямъ короля, потерялъ снова свой постъ, былъ заключенъ въ Тоуэръ и послѣ процесса, возбужденнаго противъ него дворомъ, бѣжалъ въ Голландію, Локкъ послѣдовалъ за нимъ въ изгнаніе (1683 г.) и жилъ попеременно въ Амстердамѣ, Клеве, Утрехтѣ и Роттердамѣ до тѣхъ поръ, пока измѣнившіяся политическія обстоятельства не позволили ему возвратиться въ Англію.

Только теперь, въ изгнаніи, начинается та литературная дѣятельность Локка, которая даетъ ему первокласное мѣсто въ исторіи развитія философскихъ, религіозныхъ и политическихъ идей. Развившіеся на почвѣ той религіозной и политической борьбы, которая наполняетъ исторію Англіи въ XVII вѣкѣ, теоріи Локка были скоро перенесены на континентъ и, ставъ достояніемъ французской философіи XVIII в., получили универсальное и космополитическое значеніе.

Въ Амстердамѣ Локкъ написалъ свое знаменитое Письмо

о вѣротерпимости (*Epistola de tolerantia*). Въ немъ онъ про-водитъ ту мысль, что всякое религіозное общество есть свободный союзъ на почвѣ свободного религіознаго убѣжденія; церковное общество христіанъ не можетъ признавать никакого другого Господина, кромѣ Христа, который сказалъ, что гдѣ двое или трое собраны во имя Его, тамъ и Онъ находится посреди ихъ; свѣтская власть не имѣетъ никакого права надъ религіозными обществами; тотъ, кто утверждаетъ, что онъ употребляетъ свѣтскую власть ради спасенія души своего ближняго, лжетъ; ибо даже противъ самой позорной порочности въ мірѣ никому не приходитъ въ голову употребить подобное принужденіе, которое въ данномъ случаѣ было бы конечно благодѣтельнымъ. Послѣдняя мысль очень напоминаетъ тѣ жалобы на современные Локку нравы, которыя встрѣчаются въ «Мысляхъ о воспитаніи»; но еще болѣе характеризуетъ современныя ему обстоятельства то ограниченіе, которое онъ дѣлаетъ относительно вѣротерпимости, намекая на католическія тенденціи Стюартовъ, а именно: не можетъ быть терпимо: 1) такое религіозное общество, которое преслѣдуетъ идеи, вредныя для гражданскаго общества, 2) такое, которое требуетъ для себя какихъ-либо виѣшнихъ привилегій, 3) такое, которое обращается къ защитѣ чужеземнаго государя, и, наконецъ, 4) такое общество, которое отрицаетъ существованіе Бога, потому что для атеиста не имѣетъ значенія клятва.

Осенью 1686 года Локкъ переселился въ Утрехтъ, такъ какъ амстердамская зима могла грозить его здоровью. Однако онъ не долго оставался здѣсь, такъ какъ городскія власти опасались дать пріютъ политическому изгнаннику. Поэтому онъ переѣхалъ въ Роттердамъ, гдѣ и прожилъ остальное время своего изгнанія въ домѣ англійскаго квакера, богатаго купца Фёрлея. Здѣсь онъ былъ посвященъ въ планы англійскихъ эмигрантовъ; но въ какой степени онъ принималъ участіе въ этихъ планахъ, сказать трудно; однако, извѣстно, что благосклонность къ нему Вильгельма Оранскаго, будущаго короля Англіи, начинается именно съ этого времени.

Весною 1687 года Локкъ окончилъ свое главное сочиненіе

«Опытъ о человѣческомъ разумѣ», которымъ онъ былъ занятъ уже съ 1671 года, и которое сдѣлало его творцомъ опытной психологіи. Локкъ опредѣляетъ предметъ своего Опыта, какъ «изслѣдованіе о происхожденіи, достовѣрности и объемѣ человѣческаго познанія, объ основаніяхъ и степеняхъ вѣры, мнѣнія и согласія». Онъ хочетъ выяснитъ родъ и способъ, которымъ разумъ доходитъ до своихъ понятій объ объектахъ, опредѣлитъ степень достовѣрности нашего познанія, изслѣдовать границы мнѣнія и знанія и выяснитъ тѣ основоположенія, по которымъ мы должны опредѣлять наше вогласіе и убѣжденіе въ тѣхъ вещахъ, относительно которыхъ не существуетъ достовѣрнаго знанія. Въ предисловіи къ Опыту онъ рассказываетъ, какъ однажды при одномъ философскомъ спорѣ его друзья не могли придти ни къ какому опредѣленному результату, и тогда онъ пришелъ къ мысли, что всякимъ другимъ философскимъ изслѣдованіямъ должно предшествовать изслѣдованіе того, насколько простирается компетенція разума, какіе объекты доступны ему и какіе лежатъ внѣ круга его вѣдѣнія.

Въ первой книгѣ Опыта Локкъ доказываетъ, что не существуетъ никакого врожденнаго познанія. Въ нашей душѣ находятся идеи *). Каждый человѣкъ находитъ идеи въ своемъ собственномъ сознаніи, а слова и дѣйствія другихъ людей доказываютъ, что они также имѣютъ идеи. Какимъ же образомъ эти идеи появляются въ разумѣ?

Существуетъ мнѣніе, что разуму свойственны извѣстныя врожденныя понятія, которыя душа, такъ сказать, приноситъ съ собой въ міръ. Главный аргументъ защитниковъ этого мнѣнія состоитъ въ томъ, что существуютъ извѣстныя теоретическія и практическія основоположенія, которыя пользуются всеобщимъ признаніемъ. Локкъ оспариваетъ силу этого аргумента: во-первыхъ, такого общаго признанія не существуетъ на самомъ дѣлѣ, а во-вторыхъ, если бы оно и

*) Терминъ „идея“ Л. употребляетъ въ широкомъ смыслѣ, подразумѣвая подъ нимъ не только мысли и представленія, но и ощущенія.

существовало, то оно вовсе не доказываетъ врожденности, такъ какъ можетъ быть объяснено инымъ образомъ.

Къ теоретическимъ основоположеніямъ, выдаваемымъ за врожденные, принадлежатъ знаменитыя основоположенія доказательства: то, что есть, есть (законъ тождества), и: невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была ею (законъ противорѣчія). Однако эти положенія совершенно неизвѣстны дѣтямъ и необразованнымъ людямъ, и было бы противорѣчіемъ утверждать, что душа обладаетъ такими истинами, о которыхъ не имѣетъ никакого сознанія. Если въ душѣ должно быть нѣчто такое, чего она прежде не познавала, то развѣ только способность узнать это; но это можно сказать рѣшительно обо всѣхъ познаваемыхъ истинахъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ никогда не познавались въ дѣйствительности. Что способность познавать прирождена, а познаніе приобретается—касается не какого-нибудь спеціальнаго, а рѣшительно всякаго познанія. Если мы допустимъ, что существуютъ врожденные идеи, то мы должны различать ихъ отъ другихъ, которыя не врождены: слѣдовательно врожденность нельзя сводить къ одной только способности; но въ такомъ случаѣ нужно признать, что врожденные познанія уже съ самаго начала сознаются, ибо быть въ разумѣ—значить быть мыслимымъ. Если скажутъ, что эти истины познаются и признаются людьми, какъ скоро послѣдніе доходятъ до употребленія своего разума, то такое положеніе не вѣрно ни въ томъ смыслѣ, что мы познаемъ эти истины посредствомъ дедукціи, ни въ томъ, что мыслимъ ихъ одновременно съ употребленіемъ нашего разума; ибо многое другое мы узнаемъ гораздо раньше. Что горькое не сладко, розга не вишня—ребенокъ знаетъ гораздо раньше, чѣмъ онъ въ состояніи уразумѣть общее положеніе, что одна и та же вещь не можетъ быть и не быть ею. Если бы моментальное признаніе истинности извѣстнаго положенія служило несомнѣннымъ признакомъ его врожденности, то къ числу врожденныхъ истинъ слѣдовало бы отнести и такія, какъ «единица плюсъ два равняется тремъ» и безчисленное множество другихъ.

Подобно тому, какъ не существуетъ врожденныхъ теоретическихкихъ истинъ, не существуетъ и практическихкихъ. Нѣтъ ни одного моральнаго основоположенія, которое было бы такъ же ясно и пользовалось такимъ же всеобщимъ признаніемъ, какъ вышеназванныя теоретическія. Моральныя положенія такъ же истины, но не столь очевидны, какъ теоретическія. Моральное основоположеніе, что «каждый долженъ поступать такъ, какъ онъ желаетъ, чтобы съ нимъ поступали другіе», и всѣ другія правила морали нуждаются въ обоснованіи и слѣдовательно не врождены. На вопросъ, почему пужно соблюдать договоры, христіанинъ сошлется на волю Бога, послѣдователь Гоббза на волю общества, языческой философъ на достоинство человѣка. Между тѣмъ было бы нелѣпо, чтобы врожденное основоположеніе нуждалось въ обоснованіяхъ и притомъ столь различныхъ. Правда, намъ врождены стремленіе къ счастію и отвращеніе отъ страданія, но эти мотивы всѣхъ нашихъ поступковъ суть только извѣстныя направленія желанія, а никакъ не впечатлѣнія разума. Только эти мотивы дѣйствуютъ всеобщимъ образомъ; практическія же основоположенія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ различны и подчасъ прямо противоположны; если же относительно ихъ замѣчается согласіе, то оно основывается на томъ, что слѣдованіе извѣстнымъ моральнымъ правиламъ признается необходимымъ условіемъ существованія общества и поддерживается воспитаніемъ, правами и обычаями.—Основоположенія не могутъ быть врождены, разъ не врождены понятія, изъ которыхъ они составлены; между тѣмъ самыя общія положенія составлены изъ наиболѣе отвлеченныхъ понятій, которыя совсѣмъ недоступны напр. дѣтямъ и могутъ быть образованы только при извѣстномъ уровнѣ умственнаго развитія. Понятія вродѣ тождества, различія, возможности, невозможности не только не приносятся готовыми въ міръ, но и неизмѣримо далеко отстоятъ отъ тѣхъ ощущеній, которыя появляются всего раньше, какъ-то: ощущенія голода, жажды, тепла, холода, удовольствія, боли. Точно также и

понятіе Бога не врождено, а приобретается изъ разсмотрѣнія міра и причинъ вещей.

Во второй книгѣ Опыта Локкъ даетъ положительную теорію возникновенія идей. Онъ принимаетъ, что первоначально душа каждаго человѣка представляетъ собою какъ бы чистую бумагу, *tabulam rasam*, на которой нѣтъ еще никакихъ идей. Она получаетъ ихъ изъ опыта. Все наше познаніе основывается на опытѣ и происходитъ изъ него. Опытъ же можетъ быть двоякимъ—внѣшнимъ и внутреннимъ, чувствомъ и рефлексіей (*sensation* и *reflexion*), смотря по тому, имѣетъ ли онъ своимъ предметомъ внѣшнія вещи или самыя операциі нашего духа. Чувства производятъ въ душѣ идеи желтаго, бѣлаго, жары, холода, твердости, мягкости, сладости, горечи и т. п. чувственныхъ качествъ. Надъ этими идеями духъ производитъ свои операциі; какъ скоро душа наблюдаетъ эти операциі, разумъ получаетъ второй рядъ идей, происходящихъ изъ внутренняго источника, каковы воспріятіе, мышленіе, сомнѣніе, вѣра, заключеніе, познаваніе, хотѣніе. Изъ того или другого изъ этихъ двухъ источниковъ происходятъ всѣ наши понятія.—Человѣкъ начинаетъ имѣть идеи съ того момента, какъ испыталъ первое чувственное впечатлѣніе. До перваго же чувственного впечатлѣнія душа мыслить столь же мало, какъ и въ глубокомъ снѣ; утвержденіе, будто душа постоянно мыслить, такъ же произвольно, какъ и то, что всякое тѣло постоянно находится въ движеніи.

Наши идеи частью просты, частью сложны. Изъ простыхъ идей однѣ происходятъ изъ одного какого-нибудь чувства, другія—изъ нѣсколькихъ, третьи—путемъ одной рефлексіи, четвертыя—и изъ чувства и изъ рефлексіи. Такъ посредствомъ чувства осязанія мы получаемъ идеи твердости, гладкости, мягкости; посредствомъ зрѣнія идеи свѣта, цвѣтовъ и т. п. Посредствомъ болѣе чѣмъ одного чувства, напр., посредствомъ зрѣнія и осязанія мы получаемъ идеи пространства или протяженія, формы, покоя и движенія. Посредствомъ рефлексіи душа получаетъ идеи воспріятія, мышле-

нія, хотѣнія. Наконецъ, посредствомъ какъ чувства, такъ и рефлексіи, душа получаетъ идеи удовольствія, скорби, существованія, единства, силы и временнаго послѣдованія.

Наши идеи въ общемъ столь же мало похожи на существующія внѣ насъ вещи, какъ слова на обозначаемыя ими идеи, хотя они и вызываются ими. Тѣламъ дѣйствительно свойственны слѣдующія качества: величина, фигура, число; положеніе, движеніе и покой. Эти качества Локкъ называетъ первичными качествами (*original или primary qualities*); поскольку мы воспринимаемъ первичныя качества, наши идеи о нихъ являются точными копіями этихъ качествъ, т.-е. такимъ образомъ мы представляемъ себѣ вещь такъ, какъ она существуетъ сама по себѣ. Но тѣла обладаютъ далѣе силой дѣйствовать при помощи извѣстныхъ, не воспринимаемыхъ нами, первичныхъ качествъ такимъ образомъ на наши чувства, что производятъ въ насъ идеи цвѣтовъ, тоновъ, запаховъ, ощущенія теплоты и т. п. Эти качества, существующія не въ самыхъ вещахъ, а только въ воспринимающемъ субъектѣ, Локкъ называетъ вторичными или производными качествами (*secondary qualities*).

Говоря о простыхъ идеяхъ, получаемыхъ при помощи рефлексіи, Локкъ особенно останавливается на способности воспріятія (*perception*), удерживающей способности или памяти (*retention*) и способности различенія, соединенія, раздѣленія и т. п. Въ способности воспріятія Локкъ видитъ признакъ, отличающій человѣка и животное отъ растенія. Удерживающая способность есть способность сохраненія идей частью путемъ продолжающагося умственнаго ихъ созерцанія, частью путемъ возобновленія ихъ; она свойственна уже животнымъ отчасти въ той же степени, какъ и человѣку. Сравненіе же идей другъ съ другомъ выполняется животными не съ такимъ совершенствомъ, какъ людьми. Способностью связывать идеи животныя обладаютъ только въ очень слабой степени. Исключительно человѣку свойственна способность отвлеченія, благодаря которой идеи отдѣльныхъ объектовъ, отвлеченныя отъ случайныхъ свойствъ реальнаго существо-

ванія, времени, пространства и сопровождающихъ представлений, становятся общими понятіями цѣлаго рода, и словесныя ихъ обозначенія получаютъ общее примѣненіе ко всѣмъ объектамъ, обнимаемымъ этими понятіями.

Изъ простыхъ идей составляются сложныя. Если при полученіи первыхъ душа пассивна, то при образованіи послѣднихъ, точно такъ же какъ при отвлеченіи, сравненіи и воспоминаніи, она самодѣтельна. Сложныя идеи распадаются на три класса: онѣ представляютъ модусы, субстанціи и отношенія. Модусы — это такія сложныя идеи, которыя не содержатъ указанія на нѣчто, существующее само по себѣ, а являются модификаціями простыхъ идей: сюда относятся модификаціи пространства, времени, мышленія и т. п. Понятія субстанціи — такія соединенія простыхъ идей, которыя употребляются для представленія вещей, существующихъ сами по себѣ. Относительныя идеи состоятъ въ сравненіи одной идеи съ другою.

Получая при помощи внѣшняго чувства и рефлексіи множество простыхъ идей, разумъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя простыя идеи появляются постоянно въ совмѣстномъ сопровожденіи другъ друга; и такъ какъ мы не можемъ мыслить то, что представляется ими, какъ существующее само по себѣ, то у насъ образуется привычка подкладывать подъ нихъ нѣкоторый субстратъ, который мы называемъ субстанціей. Субстанція есть нѣкоторое предполагаемое нѣчто, лежащее въ основѣ тѣхъ или другихъ свойствъ. По этимъ свойствамъ у насъ образуется идея о той или другой отдѣльной субстанціи, но въ сложную идею извѣстной субстанціи входитъ наряду съ этими, образующими его, простыми идеями, еще сложныя идеи о чемъ-то, къ чему относятся эти свойства и въ чемъ они существуютъ, какъ въ извѣстной причинѣ ихъ единства. Такъ, напр., тѣло есть протяженная, имѣющая форму и движущаяся вещь, но, говоря о матеріальной субстанціи, мы ставимъ наряду съ этими свойствами еще нѣчто, хотя и не знаемъ, что оно такое. Точно также и относительно духовной субстанціи мы имѣемъ не болѣе ясное

понятіе. Различныя душевныя дѣйствія, какъ, напр., мышленіе, страхъ и т. п., мы не можемъ считать за существующія сами по себѣ и точно также не можемъ приписать ихъ тѣлу; поэтому мы относимъ ихъ къ другой субстанціи, которую называемъ духомъ. Наряду съ этими двумя видами субстанціи, тѣлесной и духовной, мы имѣемъ еще идею о третьей субстанціи, именно о Богѣ. Идеи о Богѣ мы достигаемъ, повышая до безконечности идеи силы, разума и воли. Но такъ какъ мы не обладаемъ яснымъ познаніемъ субстанцій, то Локкъ отрицаетъ возможность метафизики, какъ науки о субстанціональномъ бытіи, предвосхищая такимъ образомъ мысль Канта. — Кромѣ сложныхъ понятій единичныхъ субстанцій, разумъ образуетъ сложныя коллективныя понятія о субстанціяхъ, какъ, напр., войско, флотъ, городъ, міръ; эти коллективныя понятія образуются душой при помощи ея соединяющей способности. Изъ сравненія многихъ вещей другъ съ другомъ возникаютъ понятія отношенія; къ нимъ относятся понятія причины и дѣйствія, временныхъ и пространственныхъ отношеній, тождества и различія, степеней и т. п.

Въ третьей книгѣ опыта Локкъ разсматриваетъ языкъ, въ четвертой — знаніе и мнѣніе. Слова суть знаки представляемыхъ объектовъ. Истина и ложь лежатъ въ сужденіяхъ, а не въ отдѣльныхъ представленіяхъ. Такія положенія, какъ законъ противорѣчія, служатъ для диспутированія, но не для знанія. Положенія, вполне или отчасти тождественныя, не дадутъ никакого новаго знанія. Мы познаемъ самихъ себя путемъ внутренняго воспріятія и Бога путемъ заключенія отъ существующаго къ первой причинѣ, съ полной очевидностью: міръ — съ меньшей очевидностью; по ту сторону разумнаго познанія лежитъ вѣра въ божественное откровеніе; однако откровеніемъ можно считать только то, что не противорѣчитъ достовѣрному разумному познанію.

«Опытъ о человѣческомъ разумѣ» открылъ собою новую эру въ философіи человѣческаго духа, подобно тому, какъ дѣло Ньютона создало новую эпоху въ философіи природы. Локкъ воплотилъ индуктивный методъ въ существенныхъ ру-